КРОКОДИЛ

№ 36 • ДЕКАБРЬ 1975

СССР

1976

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Венок сонетов по-крокодильски

Как повелось от века на планете,
За триста шестьдесят последним днем
Приходит, предусмотренный по смете,
Тот год, который Новым мы зовем.

За все, что есть прекрасного на свете,—
Наш первый тост за праздничным столом!
Мы входим в Новый год, как в новый дом,
На счастье открывая пятилетье!

Завидуют нам звезды с высоты:
С Венерой стали мы теперь на «ты»,
Об этом даже в яслях знают дети.

За шутку, за улыбку и за смех,
За каждый наш успех и неуспех —
За это все — и вы и мы — в ответе!

Дорогой читатель! Это не просто сонет. Из каждой его строчки рождается новый, а вместе они составляют венок сонетов, который ты найдешь на 4—5-й страницах. Венок сонетов впервые был создан в XIII веке и сразу обрел большую популярность: за прошедшие семьсот лет появилось уже несколько венков. Крокодильских среди них еще ни разу не было.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

ХОЗЯЕВА МЕДНОЙ ГОРЫ

Е. ДУБРОВИН,
специальный корреспондент Крокодила

Путевые впечатления от хождения за три моря: Волжское, Иркутское и славное море Байкал

«Теплей укутывай шею».
(Из наставлений жены).

«Покатайся на верблюде и сфотографируй медведя».
(Просьба сына).

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ПОЖАР В САМОЛЕТЕ И ВООБЩЕ НАЧИНАЕТСЯ ЭКЗОТИКА

— Если пробиться до термальных вод,— бубнит спина в овчинном полушубке напротив меня.

— Бу-бу-бу...— отвечает ему сидящий рядом человек в лисьей шапке на непонятном мне монгольском языке.

— Если глина...

— Бу-бу-бу...

Я смотрю в иллюминатор. На земле ночь. Темная земля, темное небо. Тайга... Иногда появляются редкие цепочки огней, бегут не спеша, подпрыгивая, сплетаются в сложные узоры... Из ничего собираются города...

Внезапно лисья шапка вспыхивает ярким, красным пламенем. От шапки огонь перебрасывается на плечо человека в овчинном полушубке. Загорается кресло, обшивка самолета на потолке...

В первое мгновение сижу ни жив ни мертв, ожидая воплей, паники, стремительного кувыркания в бездну...

Человек в полушубке, зевая, смотрит в иллюминатор.

— Ну вот, кажется, и приехали... Солнце встало...

Заглядываю в иллюминатор. Только что, минуту назад черная земля клокочет белым раскаленным пламенем, как доменная печь.

Рассвет на высоте десяти километров. Экзотика началась.

— Самолет... Прошу пристегнуть ремни... Температура в Улан-Баторе...— загрохотал, зашипел голос над головой.

— Сколько? — переспрашивает меня человек в полушубке.— Два? Или двадцать?

Я сам не успел разобрать.

ГЛАВА ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ ПРО ПЕРСОНАЛЬНОЕ ТАКСИ, РУСОВОЛОСОГО ПАРНЯ ИЗ ЖМЕРИНКИ И ДРУГИЕ СТОЛЬ ЖЕ НЕОЖИДАННЫЕ ВЕЩИ

Укутываю шею и схожу по трапу. Лицо приготовилось к удару морозного обжигающего ветра, горло заранее сопротивляется резко минусовой температуре, делает судорожное глотательное движение.

Ласковый шлепок горячего солнца по моим щекам. Ветер пахнет сухими степными травами и песком.

Человек в полушубке и его товарищ в лисьей шапке быстро проходят мимо меня и направляются к зеленой машине с буровой установкой вместо кузова. Машина тут же уезжает. Персональное такси... Оглядываюсь в поисках других видов транспорта и вижу на скамейке русоволосого парня в зеленой куртке. Он загорает, подставив лицо солнцу. На спине крупно: «Жмеринка». Ого, куда занесло парня из Жмеринки! Направляюсь, чтобы узнать, что он тут делает, как вдруг сзади мне на плечо ложится рука:

— Из Москвы? Крокодил? Тогда пройдемте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ УТОЧНЯЕТСЯ МОЯ РАБОЧАЯ ПРОГРАММА

— Что бы вы хотели посмотреть? — спрашивает меня товарищ Г. Дэлэг, главный редактор монгольского сатирического журнала «Тоншуул» (это его рука легла мне на плечо в аэропорту).

— Меня интересует буквально все,— говорю я, но сын просил посмотреть ко всему прочему верблюдов и медведей.

— Ага,— говорит товарищ Г. Дэлэг.— Тогда берем машину и едем в Эрдэнэт. С нами будут еще два журналиста. В Эрдэнэте есть все.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК МЫ ЕДЕМ В ЭРДЭНЭТ. ВСТРЕЧА С ДАЛАЙ-ЛАМОЙ. ВПЕРВЫЕ ПРОИЗНОСИТСЯ ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО

Две краски: мрачно-черная и ослепительно-белая. Холмы с черными лесами и снежная равнина. Неожиданно вдали возникает целый букет красок: зеленая, красная, синяя, желтая... Посредине бесконечной белизны, на ровном месте стоит дворец. Его словно только что нарисовали мальчишки: такой он свежий, аккуратный, неожиданный...

— Что это?

— Амар Баяеголант — отвечает товарищ Г. Дэлэг. Товарищ Г. Дэлэг все знает, поскольку он не только редактор, но также еще ученый, кандидат наук, преподаватель, без пяти минут профессор.— Это старый буддийский монастырь. Его надо обязательно осмотреть.

Бродим вокруг высокой стены, покрытой цветной глазурью, трогаем замки на дверях, рассматриваем следы лис и зайцев.

— Закрыт на реставрацию,— мрачно констатирует товарищ Г. Дэлэг.— Подождите, а что это там дымит? — В самом деле, в стороне из крыши одинокой юрты идет дымок.— Наверно, это сторож!

Просить ключи у сторожа идет один из наших спутников.

— Не дает,— говорит он, вернувшись, уныло.— Упрямый такой старик. Наверно, бывший служитель культа. Далай-лама! — ругается наш посланник.

Идет второй и возвращается с тем же результатом.

— У него такая бумага, что всем запрещает...

Идем мы с товарищем Дэлэгом. Посредине юрты раскаленная «буржуйка», вокруг на полках старая монгольская утварь, приемник «ВЭФ»... Перед «буржуйкой» на коленях старик в валенках. Ему лет девяносто, его череп напоминает хорошо отполированный волнами валун.

При виде нас старик молча протягивает бумажку с грифом какого-то учреждения и большой круглой печатью.

— Действительно, запрещается,— разочарованно говорит товарищ Г. Дэлэг.

«Далай-лама» прячет бумажку за пазуху халата, берет кочергу и начинает шуровать в печке. Воцаряется молчание.

— Найрандал! — вдруг говорит товарищ Дэлэг и показывает в мою сторону.

Начинается непонятный для меня разговор, в результате которого «Далай-лама» достает из какого-то ящичка связку ключей.

Что же это за слово «найрандал»?

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ВО ВТОРОЙ РАЗ ПРОИЗНОСИТСЯ ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО. НАКОНЕЦ-ТО МЫ ИДЕМ ПО СЛЕДУ МЕДВЕДЯ

Позади почти пятьсот километров на «газике». Увиденных верблюдов — 0, волков — 0, медведей — 0. Я укоризненно смотрю на товарища Г. Дэлэга. Тот прячет глаза.

— Приедем в Эрдэнэт,— говорит он.— Там есть такая гора... Очень интересно... Уверен, вам понравится... Навалом медь, золото, платина...

— Прекрасно,— говорю я.— Надо только не забыть о просьбе сына.

— Не забудем,— отвечает товарищ Г. Дэлэг.

Еще сто километров по бездорожью. Коварные, быстрые речки подо льдом, несколько приключений, одна небольшая авария, и мы, наконец, у цели.

— Вот она! — говорит председатель исполкома города Эрдэнэт товарищ С. Цэвээн.— Это и есть медная гора!

Мы уважительно смотрим на покрытый редкой щетиной леса холм, издали похожий на горб верблюда. Этот неказистый «горб», если верить геологам, до отказа набит медью, вольфрамом, молибденом, золотом, платиной и другими ценными вещами.

— Эта гора,— добавляет первый секретарь горкома Монгольской народно-революционной партии товарищ Ж. Банзрагч,— самая богатая не только в Монголии, но и чуть ли не во всей Азии. Если вы приедете к нам через несколько лет... Посмотрите сюда...

Мы послушно поворачиваемся за пальцем тов. Ж. Банзрагча, и вдруг я замираю: рядом в сторону вершины горы тянутся огромные следы. По всей видимости, медвежьи... Я отчетливо различаю даже отметины когтей, места, где медведь полз на брюхе...

— Вон там вы видите строительство промзоны...

— А там будет парк и плавательный бассейн,— увлеченно перебивает тов. С. Цэвээн.

— А там стадион...

— А там жилые кварталы...

Мы смотрим на расстилающуюся под нами засыпанную снегом, почти пустынную долину. Неужели здесь действительно через несколько лет будет огромный город?

— Уже сейчас работы над основными объектами идут полным ходом...

— Если бы не найрандал...

— Да. Да. Найрандал — великая вещь...

— Сейчас мы поедем к Анатолию Васильевичу, он вам расскажет подробнее...

Наши хозяева произносят слова «Анатолий Васильевич» таким тоном, что спрашивать, кто он такой, просто неприлично.

Мы садимся в «газик», едем по склону горы, не выбирая дороги, прямо по медвежьим следам. С тоской гляжу на них... Сам я полон впечатлений, но неужели не удастся выполнить просьбу сына?

У основания горы встречаем «медведя». Какой-то человек волочет дерево. Наверно, елку к Новому году.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ В ТРЕТИЙ РАЗ ПРОИЗНОСИТСЯ ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО И РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ДЕЛАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ. ТАЙНА СЛОВА РАСКРЫТА

На фасаде современного здания вывеска: «Управление строительства «Медьмолибденстрой». МНР».

— Сайн байнуу,— говорю я вахтеру.

— Здравствуйте,— отвечает он на чистейшем русском языке.

Только тут я соображаю, что и вывеска на здании и другие надписи сделаны на русском языке. Люди, толпящиеся в коридоре, говорят по-русски.

Из-за стола нам навстречу поднимается совсем еще молодой мужчина. Это начальник управления Анатолий Васильевич Чекашов. На его счету не одна стройка.

— Передаем монгольским товарищам наш опыт,— говорит Анатолий Васильевич.— Стройка большая и интересная. Скоро этот медвежий угол не узнать: тянется железная дорога, кладем асфальт, будет воздушная связь...

— Людей хватает? — задаю я больной для всех больших строек вопрос.

— Людей буквально притягивает наша гора. Едут монгольские товарищи, советские специалисты... Мы не только строим — и учим наших друзей. Найрандал.

Опять это слово! Что оно все-таки означает?

Уходим из управления.

— До свидания,— говорю я вахтеру.

— Баяртай,— рассеянно роняет он.

Ездим и ходим по будущему городу. Везде спокойная, деловая атмосфера. Вперемежку звучит монгольская и русская речь. Вперемежку монгольские и русские лица. Плакаты:

XXV СЪЕЗДУ КПСС — ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ!

ВСТРЕТИМ XVII СЪЕЗД МНРП УДАРНЫМ ТРУДОМ!

На одной из строек интересуюсь, соревнуются ли между собой монгольские и советские рабочие.

— Бригады смешанные,— отвечают мне,— поэтому соревнование идет между бригадами. Сразу в честь двух съездов: XXV съезда КПСС и XVII съезда Монгольской народно-революционной партии.

На досках почета видим лица победителей. Надписи на двух языках. Монгольские и советские гербы.

— Соревнование у нас — дело международное,— поясняют мне в парткоме, поэтому и оформляем его соответственно. Найрандал.

— Что это такое? — не выдерживаю я.

— Как? Разве вы не знаете? Дружба!

О дружбе советского и монгольского народов, об их сотрудничестве в различных сферах шел затем сердечный разговор на приеме у Первого секретаря ЦК МНРП и Председателя Великого народного хурала товарища Ю. Цеденбала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ ТОВАРИЩ Г. ДЭЛЭГ ИЗВИНЯЕТСЯ ЗА ОТСУТСТВИЕ ЭКЗОТИКИ

— Извините, — говорит товарищ Г. Дэлэг,— что вместо верблюдов, волков и медведей мы показали вам строительство горнорудного комбината. Может быть, это не так эффектно, как, допустим, верблюжьи скачки, но зато вы увидели будущее Монголии. Вот когда вы приедете в Эрдэнэт лет через тридцать, вы можете сравнить... Надеюсь, сын простит.

Ну что ж, будем смотреть медведей через тридцать лет...

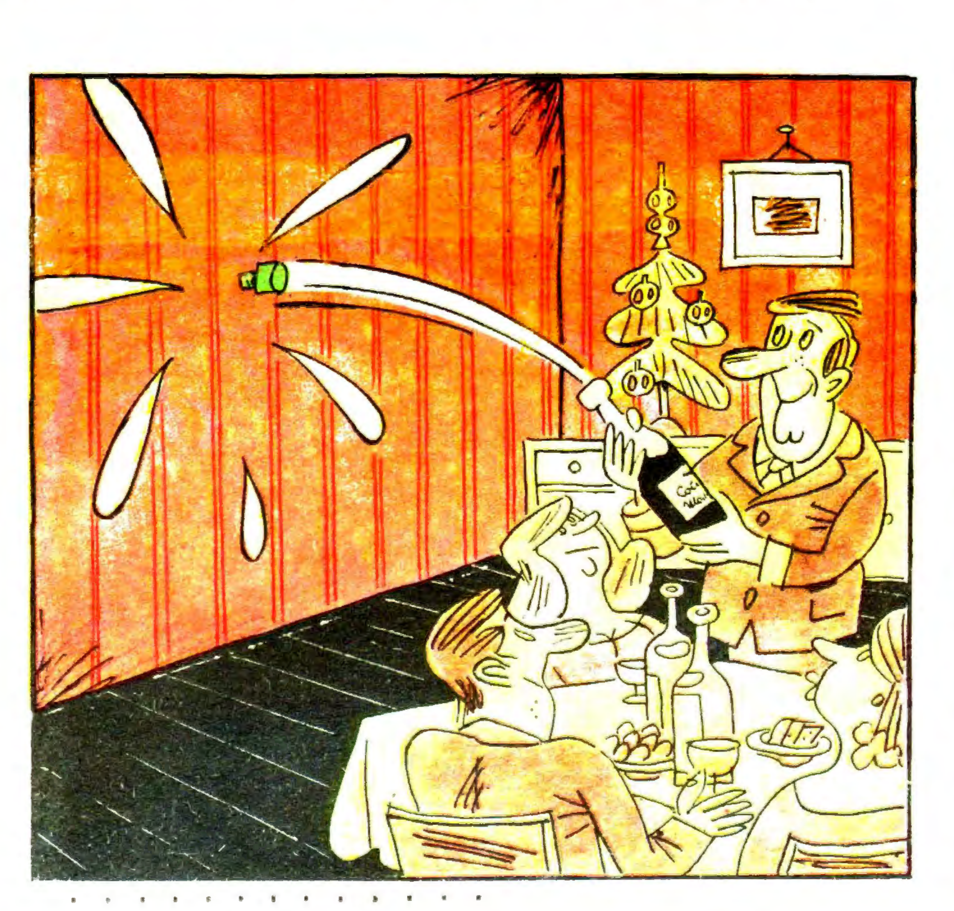
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, В КОТОРОЙ Я ЗАПОЛНЯЮ ТАМОЖЕННУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ

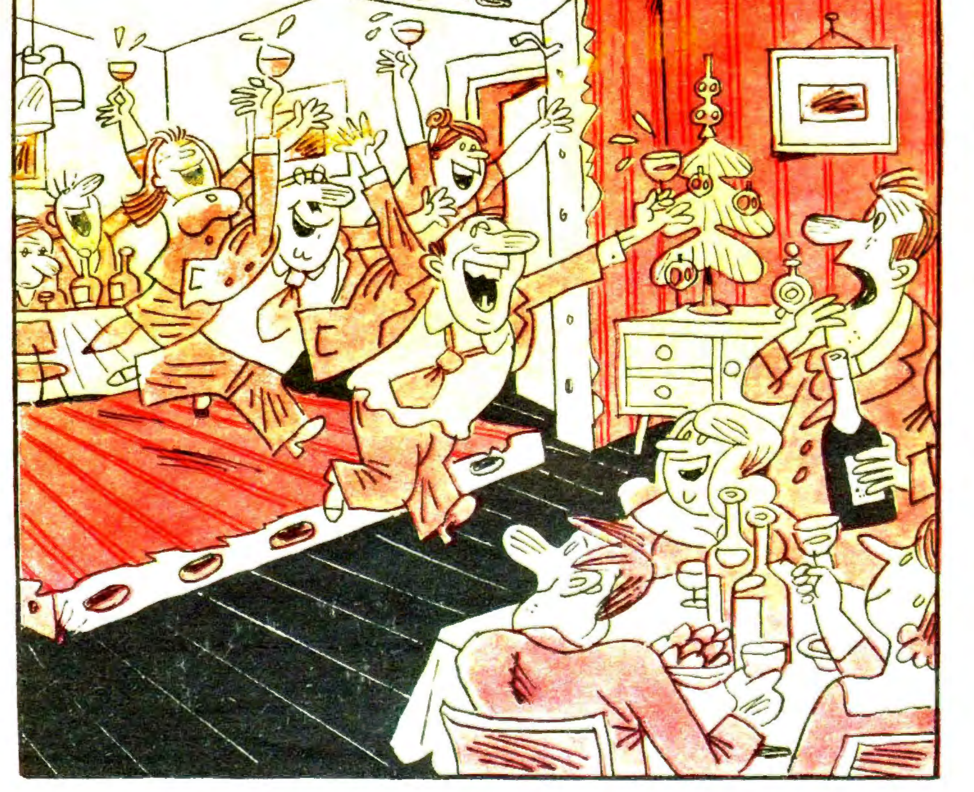
На пункте «В» мое перо спотыкается. Пункт «В» гласит: «При мне, а также во всех вышеуказанных местах имеются: золото, серебро, платина, металлы платиновой группы в изделиях, монете, слитках, ломе и сыром виде, драгоценные камни...»

Дело в том, что при мне действительно имеются золото, серебро, платина в сыром виде. В виде куска горной руды, который мне подарили в Эрдэнэте.

Подумав, я все же пишу в этой сверкающей строке слово «нет».

Москва — Улан-Батор — Эрдэнэт.





— Ура! С Новым годом!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Крокодильские новогодние интервью

— А вы что ожидаете от нового года?
— Автобуса...

— Дать интервью? Извините, но я привык брать...

— Моя новогодняя мечта? Сбыть этот заказ...

— Каким вам видится Новый год?
— Многосерийным...

Рисунки М. ВАЙСБОРДА

За шутку, за улыбку и за смех!

КАК ПОВЕЛОСЬ ОТ ВЕКА
НА ПЛАНЕТЕ,
Есть северный и южный Новый год:
Тбилисский заявляется в берете,
Московский в ГУМе шапку достает.

Нет в Красноярске с елками хлопот,
Ташкентцам только снятся елки эти...
Молоденькую елочку в пакете
Полярникам вручит Аэрофлот.

От солнечных барханов до торосов
Легли пути советских Дед-Морозов,—
К чему лукавить? Все подарков ждем.

Мы Новый год узнаем по походке,
Найдем мы первый день его в Находке
ЗА ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ
ПОСЛЕДНИМ ДНЕМ.

ЗА ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ
ПОСЛЕДНИМ ДНЕМ
Приходит первый, распорядку верен,
И некий зав, едва узнав о нем,
Стучится в управленческие двери:

— Дотянем! Докантуем! Доведем!
Не в нынешнем году, так в этой эре!
Подгоним! Перевыполним! И пере-
лопатим! И соседям нос утрем!

Кому-то лихо он очки вотрет,
Кому-то тихо, вкрадчиво приврет —
Есть тайный смысл в словесном
винегрете...

И вот уже светлеет горизонт,
И вновь желанный премиальный фонд
ПРИХОДИТ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ
ПО СМЕТЕ.

ПРИХОДИТ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ
ПО СМЕТЕ,
Комплект сооружений очистных.
«А ну, без них завод пустить
посмейте!» —
Стращают всех начальников честных,

А тем «до фонаря» угрозы эти:
Закон-то есть, да спросу нету с них...
Пришел, вздохнул, закашлялся и сник
Контроль, рожденный в местном
горсовете.

Но есть предел воздушному резерву:
Смёл серный «лисий хвост»
лису и серну,
Едва O_2 в реке находит сом...

Пусть строится у нас любой завод, но
Пусть дышит и легко и кислородно
ТОТ ГОД, КОТОРЫЙ НОВЫМ
МЫ ЗОВЕМ!

ТОТ ГОД, КОТОРЫЙ НОВЫМ
МЫ ЗОВЕМ,
Приносит людям нового немало,
Но мы порой находим даже в нем
Продленье прошлогоднего начала.

Вот, скажем, фильм «Ответный ход
конем».
Три серии — «Чья лошадь бы
ни ржала»,
«Путь мерина», «Ошибка коновала» —
Смотрели мы... И продолженья ждем...

Пройдут еще пять серий про коня.
Заездят и конягу и меня!
И нет на фильмоделов доброй плети...

А можно даже в серии одной
Воспеть необозримый шар земной
ЗА ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ
ПРЕКРАСНОГО НА СВЕТЕ!

V

ЗА ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ
ПРЕКРАСНОГО НА СВЕТЕ,
Я пить готов и вермут и боржом.
За Волгу, за Эльбрус, за Кобулети,
За «Жигули» (понятно, с гаражом!).

Есть у меня сарайчик на примете,
А то стоит машина нагишом...
Ты сам всем телом в теплый дом вошел,
Но всей душой — в промерзлом
драндулете.

Как мама на любимого ребенка,
Ты смотришь из окна на «жигуленка»:
Стоит ли он под снегом за углом?

Так пусть живет целехоньким до лета!..
И все-таки, признаться вам, не это
НАШ ПЕРВЫЙ ТОСТ
ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ.

НАШ ПЕРВЫЙ ТОСТ
ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ
Провозглашаем за прекрасных женщин:
Чтоб согревать сердца мужчин теплом,
Сто лет им жить и больше,
но не меньше!

У нас забота только об одном:
Чтоб радостью для них был год
увенчан,—
Хоть производственен, хоть
учрежденчен,—
Пусть женственней он будет
с каждым днем!
Мы любим всех и каждую отдельно,
Не только в женский год, а беспредельно,
Безропотно, покорно и притом

Полны доверья, как ребенок к маме,
По-детски, чуть нетвердыми шагами
МЫ ВХОДИМ В НОВЫЙ ГОД,
КАК В НОВЫЙ ДОМ.

МЫ ВХОДИМ В НОВЫЙ ГОД,
КАК В НОВЫЙ ДОМ,
Хотим, чтоб этот дом был
крепкой кладки,
Чтоб краны закрывались не с трудом,
Был ровный пол и потолок был гладкий.

Ведь новый дом — он жизни новый том!
И вдруг — течет, как в латаной палатке,
И всюду досаждают неполадки...
Нет, новосел мечтает о другом:

Квартира трехметровой вышины,
Ни техник, ни сантехник не нужны,
И солнце веселится на паркете...

Таких домов, построенных навек,
По праву ждет советский человек,
НА СЧАСТЬЕ ОТКРЫВАЯ
ПЯТИЛЕТЬЕ!

НА СЧАСТЬЕ ОТКРЫВАЯ
ПЯТИЛЕТЬЕ,
Поднимем свой бокал за юный БАМ,
За тех, кто Новый год в тайге отметит,
Вдали от телевизоров и мам,

Где минус сорок пять плюс
вьюжный ветер,
Где льнет озябший рельс
к живым рукам,
Где по своим топтыгинским углам
Медведи смотрят сны о южном лете,

А летом по проверенной программе
Едят героев мухи с комарами...
Но над безбрежьем вечной мерзлоты

Встают мосты надежно и упрямо,
И, глядя на стальную поступь БАМа,
ЗАВИДУЮТ НАМ ЗВЕЗДЫ
С ВЫСОТЫ!

ЗАВИДУЮТ НАМ ЗВЕЗДЫ
С ВЫСОТЫ,
И греют нас костров протуберанцы.
Для сна турбаза выдаст нам кусты,
А для веселья — свой баян и танцы.

Как сладко пахнут по утрам цветы!
К чему венецианских зорь румянцы?
Мы и без них на Клязьме —
итальянцы,
Внедряя макароны в наши рты...

Прохладной ночью долгими часами
Не спим, лежим-дрожим под небесами
И ждем от звезд хоть каплю теплоты...

Как трепетно Вселенной ощущенье!
И от такого тесного общенья
С ВЕНЕРОЙ СТАЛИ МЫ ТЕПЕРЬ
НА «ТЫ».

С ВЕНЕРОЙ СТАЛИ МЫ ТЕПЕРЬ
НА «ТЫ».
Еще совсем немного потерпите —
Спокойно, в свой черед, без суеты
Освоим мы Меркурий и Юпитер,

Увидев их небесные черты,
Отвыкнув удивляться в век открытий,
Первопролетцы ахнут на орбите
От неземной, нежданной красоты.

Ну, а сейчас и новогодний тост
Из добрых слов прокладывает мост
От нас, землян, к неведомой планете.

А если мы еще бокал нальем,
Мы Млечный Путь — Шампанским
назовем,—
ОБ ЭТОМ ДАЖЕ В ЯСЛЯХ
ЗНАЮТ ДЕТИ.

ОБ ЭТОМ ДАЖЕ В ЯСЛЯХ
ЗНАЮТ ДЕТИ
(Уж мы не говорим про детский сад),
И все, что мы храним от них в секрете,
Они нам популярно разъяснят:

Роль дамских брюк в вечернем туалете,
Понятия «семейный рай» и «ад»,
Значенье фразы «Теща — это клад!»,
Борьбу страстей в любом киносюжете.

Нам отличать детей от взрослых просто:
Рост — начиная с метра девяносто,
А по уму — они умнее всех.

Мы любим деток — можно ли иначе? —
А детки — нас, хотя любовь и прячут
ЗА ШУТКУ, ЗА УЛЫБКУ
И ЗА СМЕХ.

ЗА ШУТКУ, ЗА УЛЫБКУ
И ЗА СМЕХ
Все благодарны авторам смешного,
И пусть из года в год веселый цех
Сверх плана выдает смешное слово.

Но если попадется, как на грех,
Смешное слово, что давно не ново,—
Мы не находим выхода иного,
Как разделить ответственность на всех:

На стрелочника, повара, дантиста,
Таксиста, гитариста, футболиста...
Мы в шутку перечислили всех тех,

Кого обидеть вовсе не хотели,
И кто не отвечает в самом деле
ЗА КАЖДЫЙ НАШ УСПЕХ
И НЕУСПЕХ.

ЗА КАЖДЫЙ НАШ УСПЕХ
И НЕУСПЕХ
Нам преподносят то шипы, то лавры...
Шипы спешим укутать в мягкий мех,
А если лавры — бодро бьем в литавры.

Иные для критических «помех»
Неуязвимы, словно бронтозавры.
И не возьмешь их вовремя за жабры —
Они заполнят браком каждый цех.

А надо, чтоб дары искусных рук —
От доменных печей до летних брюк —
Шли сортом только высшим,
а не третьим.

За выпуск без огрехов и грехов
Домов и сосок, стали и стихов —
ЗА ЭТО ВСЕ — И ВЫ И МЫ —
В ОТВЕТЕ!

ЗА ЭТО ВСЕ — И ВЫ И МЫ —
В ОТВЕТЕ:
За каждый Новый год родной страны,
За мирный день, встающий на рассвете,
За добрый труд, не знающий цены.

Как оценить того, кто в годы эти,
Не досмотрев положенные сны,
Работает в счет солнечной весны,
Что в будущем придет десятилетье?

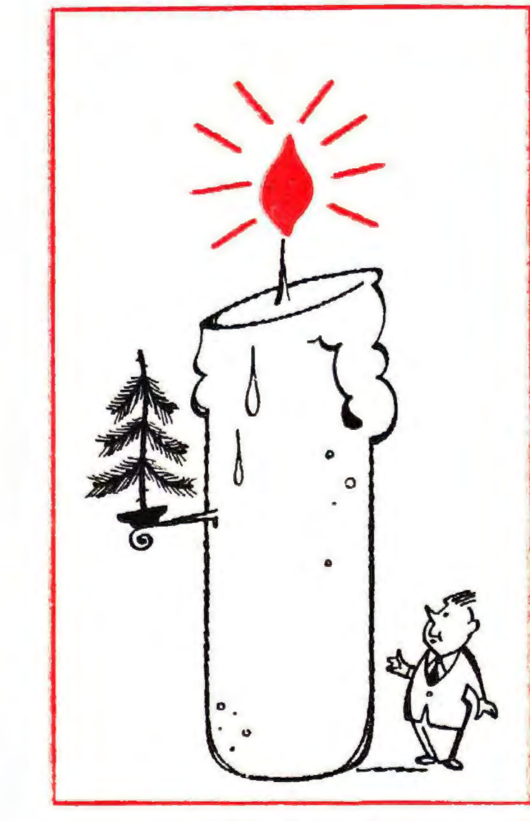
Оценит по заслугам Новый год
И тех, кто впереди него идет,
И тех, кто едет в прошлого карете...

А счастье, честь и слава входят в дом,
Увенчанный талантом и трудом,—
КАК ПОВЕЛОСЬ ОТ ВЕКА
НА ПЛАНЕТЕ!

Андрей ВНУКОВ,
Вадим ПОЛУЯН,
Мих. РАСКАТОВ,
Бор. ЮДИН

— За елкой?
— Нет. Трусцой бегаю.

Рисунок И. СЫЧЕВА



В ногу с модой.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок С. СПАССКОГО

Леонид ЗОРИН

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Рассказ

Рисунки М. СКОБЕЛЕВА

Гнедков провел у Гарунских весь вечер. Хотя Ананию Семеновичу этот человек всегда внушал некоторые опасения, нельзя было отрицать, что в размашистой манере Гнедкова таится бесспорное обаяние, а его апломб, не всегда приятный, все же обладает покоряющей силой.

Гнедков недавно вернулся из Франции, куда он ездил с группой туристов, и делился своими впечатлениями.

— Да,— сказала Анна Юльевна,— вам повезло. Увидеть Лувр... Джоконду...

— Чихал я на Лувр и Джоконду,— сказал Гнедков, стряхивая на ковер пепел.— Кому нужен этот надоевший набор? Только и слышишь сто лет подряд: «Ах, Лувр, ах, Нотр-Дам, ах, Святая Капелла!» Ходишь в компании таких же страдальцев и глазеешь на картины и витражи. Господи, боже мой! И для этого ехать!

— Самобытный человек,— шепнул Гарунский Анне Юльевне.

— Меня интересовал быт, образ жизни,— ораторствовал Гнедков.— Я стремился проникнуть в душу этого незаурядного и своеобразного народа. Я, например, заходил в бистро и, заказав оранжад, или чашку кофе, или, скажу больше, бокал вина, наблюдал людей. Я смотрел на их обычаи, повадки, на их поведение, и это обогатило меня в сто раз больше, чем ходьба по музеям.

— Интересный человек,— пробормотал Гарунский.

— Возьмите такой факт, что парижане проводят в кафе половину дня,— сказал Гнедков.— Закажут чашечку кофе — и сидят два, три, четыре часа.

— Одну чашечку? — изумился Гарунский.

— Одну. А зачем им больше?

— Но ее же можно выпить максимум за десять минут!

— А они не за этим приходят,— отрезал Гнедков.

— Что же они там делают? — спросил Ананий Семенович.

— Публичное одиночество.— Гнедков затянулся сигаретой.— С одной стороны, они участвуют в коловращении жизни, с другой стороны, уходят в себя, мыслят, принимают решения. А больше всего пишут. Сидит такой парижанин — трубка, свитер — и исписывает себе лист за листом.

— Поразительно,— сказала Анна Юльевна.— Что же он пишет?

— Мало ли что! — Гнедков пожал плечами.— Может, стихи, может, статью, а чаще всего письма. У них там очень в ходу эпистолярный жанр. Понимают, что телефону недоступны нюансы души, вот и переписываются. Ну, разумеется, больше всего пишут дамам.

— Как это верно! Как это умно! — вырвалось у Гарунского.

Анна Юльевна покосилась на него и сухо сказала:

— Для этого надо писать так, чтобы интересно было читать.

— Об этом не беспокойтесь,— заверил ее Гнедков,— каждый француз пишет, как Анатоль Франс. У них это в крови.

Он взглянул на часы, обнаружил, что стрелка приближается к часу, и стал прощаться.

— Захаживайте,— пожимая его руку, говорил Гарунский,— захаживайте почаще. С вами полезно общаться.

Гнедков пообещал, уже на пороге занял четвертную и, насвистывая «Марсельезу», удалился.

Его рассказы долго не давали Гарунскому уснуть.

«Да-а,— размышлял он,— в самом деле... Из этих крошечных деталей обихода, из этих незначительных, казалось бы, мелочей жизни складывается определенный стиль. Человек сидит в небольшом уютном кафе, перед ним бокал, наполненный апельсиновым соком, медленно потягивая прохладную струю, он пишет письмо любимой. Сама обстановка, весь настрой располагают к изяществу чувств и мыслей».

Гарунский вспомнил о Берте Варламовне, строгой и высококультурной даме, с которой его не так давно познакомили у Тягуновых.

На Гарунского Берта Варламовна произвела самое отрадное впечатление. Понравились ее мягкие, деликатные манеры, ее сдержанность и разумные суждения об архитектуре. Сразу было видно, что это современный, мыслящий человек.

Несколько раз Гарунский порывался ей позвонить, но неожиданная робость мешала ему это сделать. Теперь он подумал, что умное и тактичное письмо было бы как нельзя более кстати.

Однако создать послание такого рода было не такто просто. Надо было потрудиться. Между тем дома это занятие неизбежно привлекло бы внимание Анны Юльевны, а на работе ему помешали бы вопросы сослуживцев.

Зарубежные впечатления Гнедкова, таким образом, попали на уже взрыхленную почву. В субботний вечер Гарунский вошел в кафе, расположенное неподалеку от его дома,— он еще ни разу в нем не был,— заказал чашку кофе и, достав приготовленный листок, принялся за работу.

«Уважаемая и не только уважаемая Берта Варламовна,— начал Ананий Семенович,— воображаю, как Вас удивит это письмо. В самом деле, мы едва знакомы, негодный Тягунов никогда о Вас не рассказывал, но ведь это не так уж важно, не правда ли? Как часто знаешь человека всю жизнь, однако и не подумаешь написать ему хоть несколько слов, и, наоборот, увидишь женщину впервые, а рука уж сама тянется к перу...»

Начало Гарунскому понравилось.

— Недурно,— похвалил он сам себя.

Официантка принесла кофе. Это была приземистая девушка, полнощекая и пухлогубая.

— Все, что ли? — спросила она.

— Все, все,— закивал Гарунский.

Перо его еще быстрей забегало по бумаге.

«Ваши мысли о высотных домах нашли в моей душе глубокий отклик. Чем больше я о них думаю, тем более верными кажутся они мне при всей своей парадоксальности. В самом деле, в условиях демографического взрыва освоение одних только городских территорий, пусть даже за счет многоэтажного строительства, никак не может быть панацеей. И, наоборот, города-спутники, в невероятном количестве расположенные на фоне изящного и живописного ландшафта, представляются мне и рациональным и истинно художественным решением проблемы».

— Здорово,— пробормотал Ананий Семенович. Дело шло на лад, это было ясно.

«Что значит обстановка»,— подумал он про себя.

— Садись, народы! — прохрипел над самым ухом Гарунского простуженный бас.

Гарунский поднял голову. За его столиком располагались трое — меднолицый мужчина средних лет, худенький старичок с плутоватым выражением лица и совсем еще молодой парень, рыжий и конопатый, с сияющими, восторженными глазами.

Командовал меднолицый — ему и принадлежал хриплый голос.

— Давай, милая, в темпе,— сказал он коренастой официантке.— Закусончик, борщок, горючего, не маленькая, сама понимаешь, и все три раза. Усекла? Иди действуй.

Повеселевшая официантка удалилась, покачивая крутыми бедрами.

— Ну, добро,— сказал меднолицый.— Я, значит, про что? Так вот, Василий и говорит: захватим тогда Серегу. Грех, говорит, Серегу не захватить.

— Ловок,— покачал головой плутоватый старик.

— Ладно,— махнул рукой меднолицый,— Серегу так Серегу. Газуем до Сереги, берем его с собой, а Серега на дыбы: без Марии не тронусь...

Гарунский досадливо поморщился. Он повертел шеей, как бы отгоняя от себя голос соседа, и ручка его вновь вспорхнула над листом.

«Но при всей деликатности, дорогая Берта Варламовна, я не могу не пожалеть, что эти здравые, полные глубины и тонкого вкуса мысли не встречали заметного сочувствия в Вашем супруге. Поймите меня правильно, я не хочу сказать о нем ничего дурного, но меня больно кольнуло его безразличие, его подчеркнутое равнодушие к Вашим словам. Чем иначе объяснить, что, когда Вы так убедительно и свежо говорили о городах-спутниках, он два раза зевнул?»

Гарунский задумался и снова услышал хриплый бас.

— А Мария, она ведь себе на уме. Знаю я вас, говорит, сулитесь на час, а вернетесь к утру. А малóй с кем будет? Берите и малóго.

— Ну баба! — восторженно выдохнул конопатый.

— Я ей говорю: Мария, при чем тут малóй? Он же нас будет по рукам вязать. А она ни в какую: без малóго не еду. А Серега в свой черед: без Марии не двинусь. А Василий, тот свое: без Сереги нельзя... А-а, думаю, прах вас возьми, захватим малóго.

— Дела-а,— сочувственно вздохнул старик.

Официантка принесла закуску с графинчиком. Соседи Гарунского загремели вилками и ножами.

— Ну, будем здоровы,— горестно покряхтев, сказал меднолицый.— Так, значит, я что? Я говорю: Степа, опомнись, «газик» же не резиновый. Ну, я за баранкой, Василий рядом, ты с Серегой сзади. Машу он, допустим, берет на колени. Малóго Маша берет на колени, а куда же я твоего пацана возьму, коли будет еще Терентий Кузьмич?! А Степан на принцип: нет, говорит, Серегиного малóго ты взял, возьми ж и моего!

— Елки зеленые! — Рыжий парень потрясенно хлопнул в квадратные ладони.

«И дерзкая мысль родилась во мне,— писал Гарунский, прикрывая кулаком левое ухо,— сначала я гнал ее прочь, но она все крепла, все вызревала и, наконец, овладела моим существом. Нет, Берта Варламовна, не вздыхайте недоверчиво, не улыбайтесь с такой печалью,— я и только я могу понять Вас и оценить...»

— Ну, я вижу, его не переспоришь,— сокрушался меднолицый.— Уж если Степану что в голову войдет, так уж это крепко, не выбьешь...

— Оценить... оценить...— бормотал Гарунский,— нет, не «оценить», здесь требуется другое слово...

— Мария,— говорю,— войди в положение. Оставь малóго дома, ничего ему не сделается, сама же видишь, Степа уперся.

— Может быть, «постичь»? — бормотал Гарунский.— Не то, не то...

— И слушать не хочет,— хрипел рассказчик,— стоит железно. Серега — железно. Степан — как штык. А-а, думаю, провалитесь вы все, ладно, говорю, захватим и твоего...

— Товарищ,— дрожащим от злости голосом обратился к нему Гарунский,— скоро вы, наконец, всех захватите?

От изумления меднолицый поперхнулся. Даже голос его на мгновение прочистился.

— А ты-то что? — спросил он грозно.— Тебе-то что надо?

— Вы мне мешаете,— сказал Гарунский,— неужели не видите, я пишу.

— Я ему мешаю,— возмутился человек с хриплым басом,— нет, вы слышите? Он здесь пишет... антибиотик...

— Я бы еще понял,— сказал Гарунский,— если б вы вели какую-то дискуссию, высказывали бы пусть спорные, но интересные мысли, а что вы все время несли — подумайте... Тот хочет ехать, эта не хочет...

— Ну, ну, ты не очень,— сказал меднолицый,— ты говори, да не заговаривайся.

— Когда это мы с вами пили на «ты»? — язвительно поинтересовался Гарунский.

— Пили...— оскорбился меднолицый.— Да я с тобою не то что пить, я с тобой рядом дышать не буду. Пишет он тут... тоже... писатель... Сюда, между прочим, есть-пить приходят. Хочешь писать — иди в контору.

— Вы так полагаете? — усмехнулся Гарунский.— Есть-пить. Только и всего? Это ваша текущая жизненная программа?

— А чего еще здесь делать? — вмешался старик с хитрыми глазками.— Писать кляузы, что ли?

От негодования Гарунский задохнулся.

— Вот как? — произнес он с усилием.— Может быть, вы желаете посмотреть, что я пишу? Может, я должен открыть вам святая святых?

— Правильно говорите,— поддержала старика подошедшая официантка.— Я уж давно к нему приглядываюсь. Строчит и строчит. Одну чашку взял, а сидит чуть не час. Людя́м сесть негде, а он сидит. Наверное, заплатить нечем.

— Берите ваш полтинник! — крикнул Гарунский и швырнул на стол монету.— Берите и избавьте от ваших поучений.

— Он, видно, жалобу на вас пишет,— донеслось с соседнего стола.— Ему, наверное, кофе не нравится.

— А чем он ему плох? — надрывно заговорила официантка.— Никто ни слова, а этот сразу — заявлять...

— Да-а, тип,— сказал дородный мужчина, сидевший у окна.— Есть еще такие, есть... Хлебом не корми, дай посклочничать...

— Сказал бы, так я бы другого принесла,— причитала официантка, ободренная сочувствием.— Но ты скажи по-человечески, по-людски. Так ведь звука не вымолвил — тут же за ручку...

— Боже мой, какая клевета!— Гарунский не находил слов.— Так бессовестно оболгать человека...

— Представляете, граждане,— воззвал к общественному мнению и меднолицый,— сидим, говорим, никого не трогаем, а он, понимаешь ты, претендует. Мешают ему, понимаешь ты, кляузы дуть...

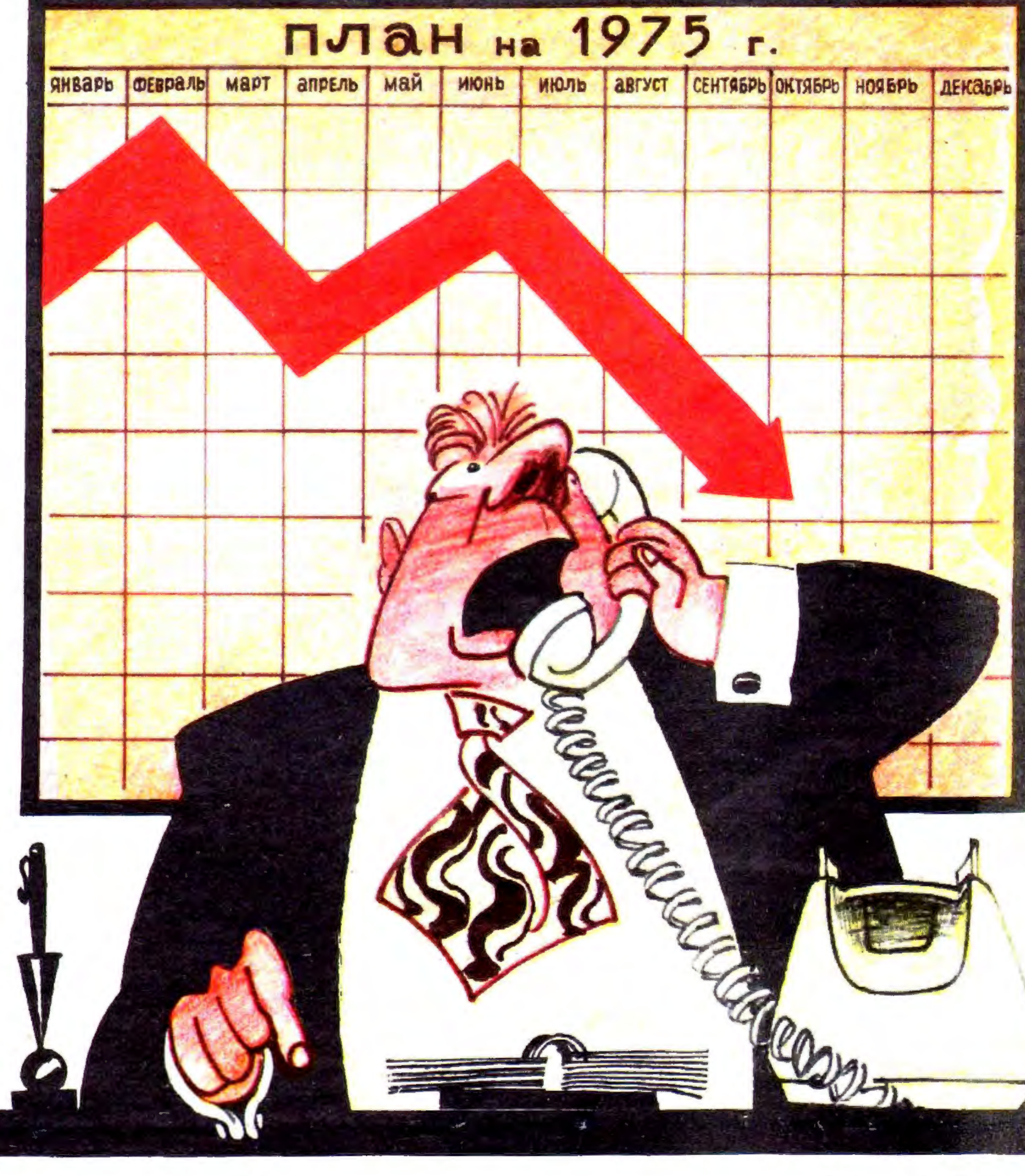
— Теперь, значит, все, кто есть, уходи, пусть, значит, он один остается. То-то ему вольготно будет,— чуть нараспев сказала женщина в темной кофте.

— Ну вот что, посидел — и хватит,— сказал молчавший до этого рыжий парень. Он взял Гарунского за локти и с помощью меднолицего повел к двери.— Иди, иди, дядя, домой и не мешай другим культурно расти. Много ты кофе выпил, как я погляжу.

И Ананий Семенович очутился на улице.

Он шел неверными шагами, яростно жестикулируя, то и дело задевая прохожих и обращая на себя внимание. Но он ничего не видел, не слышал. Слова, полные гнева, блеска, желчи, слова, наделенные убийственной силой, одно за другим слетали с пересохших губ. Ах, попались бы ему сейчас меднолицый, официантка, пройдоха-старик и толстяк у окна! А главное, попался бы ему Гнедков...

Он бы ему посоветовал самому ходить на концерты, чтобы поспать, в музеи — заниматься бегом трусцой, а в кафе — писать письма дамам. И, подойдя к урне, стоявшей на углу, Гарунский порвал на клочки неоконченное письмо.



— С Новым годом? Не туда попали!

Рисунок О. КОРНЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО»

Дважды отправленный Днепропетровским металлургическим заводом на станцию Калинин груз до получателей так и не дошел. Об этом говорилось в заметке «Заколдованное место», опубликованной в журнале № 20.

Как сообщает заместитель начальника грузовой службы Управления Октябрьской железной дороги тов. Селиванов, факты подтвердились. Не доставленный Калининскому вагоностроительному заводу вагон с швеллером по халатности железнодорожников был выгружен комбинатом стройматериалов № 2. За получение чужого груза директору комбината стройматериалов № 2 тов. Эльгарту городским комитетом народного контроля объявлен выговор. Убыток в сумме восемь с половиной тысяч рублей, причиненный комбинатом, возмещен.

Также привлечены к административной ответственности работники станции Чудово, виновные в утере вагона с металлическим листом. Начальнику станции тов. Баранову объявлен выговор, заместитель начальника станции тов. Мохова предупреждена. Убыток в сумме десять тысяч рублей предприятию возмещен.

Работники станции Калинин, не проявившие оперативности в розыске груза и установлении его принадлежности, строго предупреждены. Заместителю начальника станции Калинин тов. Мосиевскому указано. Разработаны и внедряются меры по улучшению работы станции.

«В КОФЕЙНЫХ ПАРАХ»

В фельетоне В. Котенко под таким заголовном, опубликованном в номере 19 «Крокодила», рассказывалось о вечере в Топилинском винсовхозе производственно-совхозного объединения «Донвино» Ростовской области. Мероприятие не обошлось без употребления спиртных напитков и последовавшей за этим драки.

Как сообщила редакции секретарь Семикаракорского РК КПСС тов. А. Крыгина, факты, изложенные в фельетоне, имели место.

Фельетон обсуждался на собрании цеховой партийной организации и в парткоме. За организацию пьянки и рукоприкладство главный инженер-электрик тов. Ю. Лавриненко освобожден от работы, и ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Также объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку нарушителю порядка коммунисту тов. А. Гордиенко.

«ГУСИ, ГУСИ...»

В фельетоне под таким названием («Крокодил» № 19) шла речь о загрязнении атмосферы Кыштымским заводом огнеупоров, Мичуринским мелькомбинатом и Топкинским цементным заводом.

Как сообщил редакции заместитель председателя Кыштымского горисполкома тов. В. Зуйков, на заводе огнеупоров заканчивается строительство здания для установки рукавных фильтров и аспирационного оборудования, ремонтируется вентиляционная система в цехах.

Заместитель председателя Мичуринского горисполкома тов. М. Титков пишет, что в настоящее время мелькомбинат устранил неисправность в аспирационном устройстве, которое выбрасывало отруби в атмосферу.

Получены также ответы от заместителя председателя Топкинского горисполкома тов. А. Черникова и директора цементного завода тов. Г. Есикова. Принимаются все меры для уменьшения загрязнения воздуха цементной пылью.

МАДОННА-75
MADONNA-75

МАДОННА-75
MADONNA-75
МАДОННА-75
MADONNA-75
МАДОННА-75
MADONNA-75
МАДОННА-75
MADONNA-75

Наталья ЧЕМОДУРОВА

Рассказ

Только Наташа

В комнату профорга Стеллы Яковлевны заглянул доцент Люлюкин и, немного смущаясь, попросил:

— Можно, я от вас позвоню? Мой телефон междугородная отключила, а дело срочное.

— Пожалуйста...— рассеянно проговорила Стелла Яковлевна и энергично зашуршала бумагами.

Люлюкин осторожно набрал номер и, прикрывая трубку ладонью, зашептал:

— Послушай, я же тебе русским языком сказал, мне нужна только Наташа. Нет! Ольгу можешь оставить себе. Как почему? Во-первых, она светлая. Во-вторых, грубовата... Что? Тамара? Что-то не помню. Видел? Где? Ах, да, точно, когда у Пудикова новоселье справляли. Не понравилась. Строгая и с большими претензиями... Нет, нет, только Наташа! Ну какая еще Марина? Рыжая?! Соблазнительно, конечно... И практичная? И скромная? Да... Рыжая — это, по-твоему, скромная? Да еще и высокая? Ну зачем мне высокая? Ты что, не знаешь моих возможностей? Что я с ней буду делать в своей малогабаритке, с потолками два пятьдесят? Нет, только Наташа! Что? Татьяна? Какая? Интеллигентная? Нет, не хочу! Мне все-таки каждый день на нее смотреть! И интеллигентность тут не обязательна... Ну ладно, а как же с Наташей? Что? Избавиться от старой? Я и так уж давно... Еще бы, столько лет... Дети почему-то плакали, привыкли... Да, вот так и живу... Значит, насчет Наташи договорились! Пока! — Доцент Люлюкин сказал «спасибо» и тихо прикрыл за собой дверь...

Стелла Яковлевна схватила еще теплую трубку:

— Ну, нет! Я этого так не оставлю! И это в нашем коллективе! Проглядели! Я, как профорг, просто обязана сообщить его жене! Я открою ей глаза! — Она лихорадочно набирала номер.— Алло, алло. здравствуйте, дорогая! Стелла Яковлевна вас беспокоит. Да нет, ничего не случилось... пока... Я просто хочу вас предостеречь... Дело в том, что ваш муж добивается какой-то Наташи... Что? Вы в восторге? Простите, но это же... Я не современна? Последний писк! Какой еще писк! Мода? И мне рекомендуете? Поменять? Что?.. Дорогая моя, ну при чем тут мебель, когда я вам хочу сказать, что Наташа...

Лицо Стеллы Яковлевны вдруг вытянулось:

— Ах, гарнитур «Наташа»... Да, да, я, пожалуй, подумаю, спасибо за совет. Желаю счастья!

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Нервная дама

Нервная дама пила валерьянку
И уронила аптечную склянку.
Кот подбежал и устроил попойку:
Вылакал с пола до капли настойку.
Стал он шататься,
напившись, как свинтус,
Трижды ударился мордой о плинтус.
Нервная дама бледна, как подушка,
Крикнула:
— Вон убирайся, пьянчужка!
Палевый кот ее,
сделавши свечку,
Огненно прыгнул в холодную печку.
Стала корить его нервная дама:
— В печке, негодник, ты скрылся
от срама.
Кот усмехнулся
и пò дымоходу
Вылез, черней сапога, на свободу.

С крыши спустился и, двигаясь косо,
Грозно дыхнул на цепного барбоса.
Сморщился пес:
— Нет хозяйской опеки!
Ну и несет, как от целой аптеки!

— Брысь в конуру! А не то как заеду!
Жаль, что домой тороплюсь я к обеду...

...В дверь позвонил кто-то раза четыре,
Вздрогнула нервная дама в квартире.
— Кто там? Входите!
И в миг этот самый
Кот появился пред нервною дамой.

Черный,
на задних он двигался лапах,
Распространяя лекарственный запах.

Произошла настоящая драма:
Грохнулась в обморок нервная дама.

Крикнув на помощь соседскую кошку,
Кот полетел вызывать «неотложку».

Владимир ХЛАВИН (Чехословакия)

На рыбалку с секретаршей

Хаский ЧЕЛЕБОНОВ

(Болгария)

Многие меня спрашивают: верно ли, что я на рыбалку езжу не с женой, а с секретаршей?

По-моему, задавать такие вопросы просто неловко. Еще неудобнее отвечать на них. И я бы не отвечал, если бы вся эта история не дошла до нашего Главного управления...

Однажды раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал голос Самого:

— Что там у вас происходит? Чем ты там занимаешься, руководитель?

— Руковожу, товарищ директор...

— Ага, руководишь? Знаю, как руководишь! Завтра же приезжай ко мне!

На следующий день я явился в столицу и — прямо в Главное управление. Директор принял меня немедленно:

— Говори честно! Откуда у тебя появилась секретарша? Такой единицы в штатах нет. Одно нарушение. Второе...

— Разрешите объяснить, товарищ директор...

— Второе,— продолжал он, не слушая,— что это за поездки с секретаршей на рыбалку? Новый вид укрепления семьи?

— Разрешите разъяснить...

— Разъясняют олухам! Мне все ясно — секретарша молоденькая, а жене уже... Сколько?.. Вот и объяснение!

Что правда, то правда. Секретарша значительно моложе и, я бы сказал, даже гораздо красивее моей супруги... Но не только в этом причина...

В общем, я все объяснил директору, а теперь объясню вам. Дело в том, что я вытащил однажды жену на рыбалку, а она целый день потом ворчала, что мне куда полезнее ходить по лесу, двигаться, а не сидеть, как на работе, на одном месте с этой глупой удочкой и таскать плотву...

А вот секретарша — совсем другое дело. Она такая милая, такая нежная! Сядет мне на колени, обовьет руками шею и, заливаясь звонким смехом, просит:

— Возьми меня на рыбалку! Это так интересно!

Целует меня в щеки, в нос, в лоб и спрашивает:

— Поедем? Да?

Надо иметь каменное сердце, чтобы устоять. Ну, а когда она улыбнется и глянет своими глазами Мадонны...

Эх, что говорить!

Уезжаем мы на рыбалку, как все порядочные удильщики, с раннего утра. Сходим с поезда на маленькой станции и — через прелестный лесок — прямо к речке. И нет тогда людей счастливее нас!

Вечером возвращаемся усталые, но бодрые. Секретарша взбегает на ступени нашего дома и начинает хвастать:

— А я наловила рыбы больше, чем он!

Жена пожимает плечами и с преувеличенным удивлением спрашивает:

— Неужели семилетняя девочка поймала больше рыбы, чем ее умный руководящий папочка?

— Представь себе,— каюсь я.

Довольная моим признанием, дочка виснет у меня на шее и спрашивает:

— А мы в следующий выходной опять поедем на рыбалку?

— Конечно! Как же я могу без моей секретарши!

Все дело в том, что, когда мне звонят домой по телефону, дочка всегда первая берет трубку и допрашивает: кто звонит, по какому вопросу.

Вот друзья и прозвали ее моей секретаршей!

Перевел Г. КОФМАН.

А. ШАХГЕЛДЯН (г. Баку)

Лев ОШАНИН

Яблоко

Здесь, где сливаются Тигр и Евфрат,
Стояло библейское древнее древо,
А вокруг был тот самый райский сад,
В котором грешили Адам и Ева.
Библейское древо осыпало цвет
И лежит рогатиной дрябленькой,
А из семечка выклюнулась на свет
И расправила плечи новая яблоня.
Сколько лет ей — пять тысяч
или пятьсот
К солнцу листья тянет она упрямо
И яблоки мне навстречу несет.
В них боль Адама, беда Адама.
В них Евина розовая красота,
И тихая сладость ее напева,
И мелкая хитрость ее, и та
Тайная алчность, что ведала Ева.

Говорят, если яблоко это сорвешь,
Всю жизнь свою привычную руша,
Хочешь не хочешь, а вдруг поймешь
До самого донышка женскую душу.
Я сорвал это яблоко. Небрит и колюч,
Кручу его в пальцах, святое растение.
Вот он, мой неподкупный ключ
Ото всех твоих выходок и ухищрений!
Откусил... Но то ли плод был мал,
То ли зрелости не подождал я
до мая,—
Если раньше хоть что-нибудь понимал,
Теперь ничего в тебе не понимаю!

Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме А. ШАХГЕЛДЯНА

— Ты нас сотворил, господи, ты и расплачивайся!

Я твердо уверен — для того, чтобы начать писать юмористические рассказы, мне совсем не обязательно было десять лет ходить в школу, заканчивать факультет журналистики МГУ и работать в «Литературной газете». Но на всякий случай я решил поступить именно так.

Рассказ

Андрей ЯХОНТОВ

КАРДИОГРАММА ПРИ СВЕЧАХ

Утром я почувствовал себя плохо и вызвал врача из районной поликлиники. К обеду мне стало хуже, а врач все не шел, и я обратился за помощью в «неотложку».

Вскоре в дверь позвонили. С трудом поднявшись, я пошел открывать. То ли от слабости, то ли от сильного жара меня пошатывало. На пороге стояла большеглазая блондинка, из-под плаща выглядывал белый халат.

— Вид у вас неважный,— заметила милый доктор и быстро простучала каблучками в комнату.

— Тридцать восемь и пять,— сказал я ей вслед.

— Поставьте градусник,— строго сказала врач и начала что-то записывать в истории моей болезни. Потом сложила бумаги и поинтересовалась: — Вы сколько времени собираетесь градусник держать?

— Минут пятнадцать.— Я хотел доказать свою добросовестность.

— Если вы полчаса его под мышкой промаринуете, так он и сорок покажет,—заметила она.— Я не могу долго задерживаться: у меня полная книга вызовов.

В дверь снова позвонили.

Он был высокий и чернявый, с прекрасной спортивной фигурой.

— «Неотложку» вызывали? — И он деловым шагом направился в комнату, бросив на ходу:— Побыстрей, меня машина ждет.

Стараясь не отстать, я поспешил за ним. Я даже представить боялся, как мне теперь достанется, и поделом,— они так перегружены, а я задерживаю сразу обоих.

Но они не сразу обратили на меня внимание. Он помогал ей снять плащ, приговаривая:

— Рад с вами познакомиться, коллега.

Она смущенно улыбнулась, щечки ее порозовели. Она поправила прическу и обратилась ко мне:

— Так, значит, вы не можете точно сказать, какая у вас температура? Давайте измерим ее как следует.—Она посмотрела на врача из «неотложки».— Я думаю, это поможет нам прояснить картину заболевания в целом.

Он выдержал ее взгляд и несколько рассеянно заметил:

— Как хорошо, что мы встретились! Поставить диагноз вдвоем будет значительно легче.

Он осторожно взял из ее рук фонендоскоп.

— Есть хрипы,— констатировал он.

Она осторожно вынула у меня из-под мышки градусник.

— Тридцать семь и одна...

Я почувствовал, что краснею. Меня могли счесть симулянтом. Хорошо еще, что начинало темнеть и мое смущение было не так заметно.

— Мы имеем дело со скачущей температурой,— озабоченно сказала она.

— Это очень опасно,— горячо поддержал он.

— Катар,— неуверенно сказала она.

— Грипп,— кивнул он.— Вы прекрасный специалист. Я восхищен быстротой диагноза.

Он решительно шагнул к телефону.

— Алё! Диспетчерская? Я должен задержаться. Случай очень серьезный.

Я испуганно приподнялся на кровати.

— Не волнуйтесь,— успокоил он меня,— иначе мне пришлось бы уйти. А я,— тут он протяжно посмотрел на нее,— я хочу побыть здесь, возле вас.

Она ответила ему благодарным взглядом и тоже сняла трубку:

— Вы слушаете? Я не могу оставить больного. Он совсем один. Пришлите людей с аппаратурой, пусть сделают ему кардиограмму. Я дождусь их.

— А вы пока попытайтесь уснуть,— шепнул он мне.

Она зажгла свечи и вскипятила чай. Он достал из холодильника торт. Позвякивая ложечками в чашках, они тихо переговаривались. Изредка до меня долетали фразы, проникнутые трогательной заботой обо мне:

— Жены нет...

— Как бьется сердце...

— Да, однокомнатная...

Я чувствовал себя легко и спокойно. Я знал, что нахожусь вне опасности, пока эти замечательные люди здесь, рядом. Очень хотелось задремать, но я сдерживался: с минуты на минуту должны были приехать специалисты-кардиологи.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Ночной бар для опаздывающих к новогоднему столу.

Яичница в мемориале

Из историй Никодим Никодимыча, рассказанных им Крокодилу

Лежу я недавно на диване и перелистываю новое издание «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина, приуроченное к его 150-летию. И вдруг очень кстати заявляется ко мне Никодим Никодимыч Летучий-Мышкин, критик и литератор, неистовый изыскатель в области истории сатиры. С его персоной познакомил я читателей в 29-м номере за нынешний год. Позволю себе также напомнить, что совершил тогда Никодим Никодимыч преудивительный вояж на родину Щедрина — в Спас-Угол, Талдомского района, Московской области,— и нашел его в весьма непривлекательном состоянии.

На этот раз Летучий-Мышкин рассказал новую историю, происшедшую с ним днями. Вот она...

...Давно уж, друг мой, имел я намерение посетить прежнюю северную столицу нашу и собственнолично удостовериться, движется ли там подготовка к юбилею Щедрина надлежащим образом... Град сей в который уж раз поражает воображение мое неповторимым величием стрелки Васильевского острова, златым шпилем Петропавловки и державным течением студеной Невы. Пройдясь по Невскому проспекту, сворачиваю на Литейный и останавливаюсь возле дома номер шестьдесят.

Первое, что приводит меня в изумление,— это странное месторасположение мемориальной доски. В то время как квартира, где некогда проживал Михаил Евграфович, находится в левой части дома, доска приколочена к правой стороне фасада... Вхожу в парадный подъезд. На каменном полу — с орнаментом щедринских времен — лицезрю осколки бутылочного стекла и вместе с тем обоняю запахи, от коих мутится рассудок. Нетвердою походкой взбираюсь по лестнице и слабеющею дланью жму кнопку электрозвонка квартиры номер четыре.

Обитатели ее встречают меня неприветливо. Объясняется это тем, что памятные пенаты привлекают многих людей. Недавно, к примеру, наезжал Николай Бурляев, актер и режиссер, ставящий в кино что-то из Салтыкова, два часа бродил по квартире, проникаясь духом прошлого века...

И население щедринской квартиры, разумеется, сетует:

— Войдите же в наше положение! Ремонт производить и благоустройством жилья заниматься нам запрещено. Домто охраняется государством! Но выселить нас отсюда, предоставить другую площадь, а тут создать музей, считают нецелесообразным. Вообразите-ка, милейший, каково нам есть, пить и спать в памятнике, варить в нем щи и жарить яичницу!

«А что, если,— думаю я, взирая на старинный паркет, древние потолочные розетки и оконные шпингалеты, фонарь в столовой и печи, сохранившиеся в изначальном виде,— что, если и в самом деле создать здесь литературно-мемориальный музей? Отчего не похлопотать?»

И вот иду я в Главное управление культуры Ленгорисполкома и предстаю перед К. И. Качиной, начальником Группы по охране памятников истории и культуры.

— Музей? На Литейном? — вопрошает Клариса Ивановна.— Это нереально. Откуда возьмем мы площадь, дабы расселить нынешних жильцов четвертой квартиры? А экспонаты? Ограничиться одними фотоснимками и иллюстрациями? Ведь из вещей писателя сохранилось только обручальное кольцо!.. И вообще Салтыков в Ленинграде уже увековечен: наименованием Публичной библиотеки, улицы и двумя досками. Вполне для него достаточно. К чему создавать еще один музей, в то время как у нас мемориалами не охвачены такие классики, как Блок, Горький и Мусоргский?

Я, друг мой, печально киваю. Блок, Горький и Мусоргский, бесспорно, достойны музеев. И все же мне больно.

В расстроенных чувствах бреду я по Невскому проспекту и вдруг слышу:

— Никодим Никодимыч, дружище!

Оглядываюсь — мыслимо ли? — навстречу мне идет знаменитый щедринист А. С. Бушмин, член Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 150-летия Салтыкова.

— Отчего невесел? — спрашивает Алексей Сергеевич.

Я разъясняю.

— И-и, батенька,— улыбается он,— с идеей музея на Литейном мы носимся не один уж год. Быть может, теперь и добьемся.

— А экспонаты? Ведь только кольцо...

— Было бы желание, экспонаты найдутся. Во-первых, сам дом и сами стены квартиры со встроенными деталями. Во-вторых, в музее Некрасова имеется подлинное кресло и табурет Щедрина. В-третьих, в ленинградском музее Пушкина есть его настольные часы, а в московском — чашка и блюдце. А по многим рисункам и фотографиям можно воссоздать всю обстановку... Отвести уголок для вещей сподвижников Салтыкова... Да мало ли! Нужно только начать...

— За чем же дело стало?—говорю я.

— Да начинать никто толком не хочет. Все ждут какого-то указания, какой-то директивы... А ее все нет и нет...

И вздохнули мы с Алексеем Сергеевичем. И вспомнили также о щедринском доме в Ленинграде на улице Петра Лаврова, 41, который не взят до сих пор под гос. охрану и не выделен даже мемориальной доской. И о несбывшихся пока надеждах на установку скульптурного памятника Салтыкову в городе на Неве. И о том, что в поселке Сиверском, Гатчинского района, на бывшей даче Михаила Евграфовича прибита памятная доска с ошибкой: не в 1889 году он там проживал, а на пять лет ранее. Ошибку обещались исправить почитай уж год назад, но все тянут...

Вот таковы, мой друг, последние приключения твоего покорного слуги Никодима...

* * *

Кончив рассказ, Летучий-Мышкин грустно вздыхает.

— Да полно, приятель,— пытаюсь я его приободрить,— все еще образуется. Взгляни на меня: напечатал я фельетон о Спас-Угле, вещественных результатов покуда никаких, но я не отчаиваюсь. Пришло, правда, письмо из Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Они нас полностью поддерживают. Это замечательно, однако ж не все. Ведь Министерство культуры не разрешило центральный вопрос — станет ли место рождения Щедрина хотя бы республиканским мемориалом.

— Я уж и не питаю надежды,— ответствует с грустью Никодим Никодимыч.

— Напрасно, напрасно. Будем льстить себя мыслью, что министерство откликнется на оба наши выступления сразу. Лучше ведь поздно, чем никогда, не так ли?

И мы принимаемся наслаждаться чтением вслух отдельных отрывков из незабвенного русского сатирика.

Записал специальный корреспондент Крокодила
Мих. КАЗОВСКИЙ.

Ю. БОРИН,
специальный корреспондент Крокодила

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

В городе Харькове, в новом жилмассиве Салтовка, произошел взрыв. Демографический.

Взрыв подбросил на неимоверную высоту спрос на пеленки и подгузнички. Смел с магазинных полок зеленых мишек и красных обезьян. Возвел в недоступный дефицит соски-пустышки, а балконы превратил в парусные суда.

Но все это в конце концов мелочь по сравнению с другим страшным последствием взрыва: вдруг не стало мест в детских садах и яслях. Места начисто исчезли, словно их и не было.

Теперь каждый рождающийся карапуз зачисляется на очередь с таким расчетом, чтобы попасть в ясли как раз ко дню своего совершеннолетия. Список младенцев-очередников достиг десятитысячного рубежа.

Объявлена всеобщая мобилизация бабушек. Иногда обязанности бабушек выполняют дедушки. Няни из бюро добрых услуг ценятся на вес золота, а возможно, и бриллианта. Наиболее ловкие родители устроили своих малявок в ясли, расположенные в центре города, и хвастают:

— А что? Очень даже удобно: час туда, час обратно. Если, конечно, трамвай или автобус вовремя подойдет. Или сумеешь влезть... Зато прогулка! Мой, знаете, как любит ездить — не иначе водителем будет.

Будущих водителей среди салтовских младенцев, как видно, не очень много. Остальные наполняют автобусные салоны истошным воплем, явно протестуя против столь дальних перевозок.

А в отделах кадров ведется прощупывающий разговор:

— Где живете? На Салтовке? Так-так. Дети есть? Ах, маленький ребенок! Так-так-так. Крошка устроен в ясли? На очереди?.. Видите ли, специалисты вашего профиля нам пока не требуются. Мало ли что написано в объявлении!

В городских организациях кипят споры:

— Мало мы строим детских комбинатов, мало. Надо гораздо больше. Предлагаю срочно истребовать ассигнования у Киева.

— А что толку? Сколько ни построй, все равно не хватит. Рождаемость на Салтовке превысила все допустимые нормы. Такое предусмотреть невозможно.

— При чем тут нормы? Если бы мы строили детские учреждения одновременно с жильем, ничего подобного не было бы. А то ведь сперва построим квартал, заселим, а потом принимаемся за магазины, бытовки, детские сады. Пора, давно пора изменить метод застройки!

И тогда поднимается многодетный отец из Салтовки.

— Вот вы тут говорите: невозможно предусмотреть, неправильно застраиваем... А вспомните, что делалось несколько лет назад в Павловом Поле. Точно такая же история. И точно так же спорили и решали: как быть? А чем кончилось? А ничем. Новый район стал старым районом, демографический взрыв поутих, и теперь в тамошних яслях и детских садах мест хоть отбавляй.

Председательствующий досадливо стучит карандашом по графину:

— Так что вы, собственно, предлагаете? Каковы ваши, так сказать, конструктивные идеи?

— А какие идеи? — говорит многодетный отец.— Идея была простая: учитывая опыт Павлова Поля, отводить под детские учреждения первые этажи жилых домов. До чего удобно — ни возить, ни водить детей не надо. Они тут же, в своем доме. И специально строить не нужно. Экономия, стало быть. А кончится взрыв — освободившееся помещение переоборудовать под квартиры, под магазин, под ателье, мало ли...

— У вас все? — спрашивает председательствующий.— Так. Есть предложение принять за основу проект решения, подготовленный облоно: просить Киев увеличить ассигнования...

И в Киев летит бумага: караул, помогите!

И из Киева приезжает заместитель министра просвещения А. В. Корнейчук. И начальник ОКСа министерства. И еще ряд товарищей.

Товарищи настроены чадолюбиво. Они ходят по Салтовке, делают детишкам «козу» и играют с ними в ладушки. После чего выясняется, что никаких дополнительных ассигнований не будет. Больше того, срезаются и эти. Если в 1976 году предполагалось построить шесть детских комбинатов, то теперь средства отпускаются только на два с половиной.

...Говорят, недавно на Салтовке побывал лектор по вопросам любви и дружбы. Он горячо пропагандировал дружбу и категорически возражал против любви.

А как иначе бороться с демографическим взрывом?

г. Харьков.

След чудовища

ГОТОВИТСЯ ЭКСТРЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЛЯ ПОИСКОВ ТАИНСТВЕННОГО ГИГАНТСКОГО ЖИВОТНОГО!..

Уважаемый Читатель!

Вместе со всем остальным человечеством Вы давно и крепко призадумались над тем, что творится с окружающей средой. Крокодил, разумеется, не стоит в стороне от этих жгучих проблем и тешит себя надеждой, что его скромные, но искренние усилия были замечены Читателем. Это подтверждают письма, адресованные «Красной Книге Крокодила», в которой далеко еще не написана последняя страница. Поэтому в будущем году Вам предстоят встречи с новыми выпусками «ККК».

В частности, Крокодил предложит Вашему вниманию многосерийную документально - приключенческую повесть «СЛЕД ЧУДОВИЩА». Надеемся, что Читатель будет не только с интересом следить за приключениями героев повести, но и откликнется на нее, проявив, как всегда, зоркость глаза и гражданскую взволнованность.

Ждите в январе публикацию первой части документально - приключенческой повести «СЛЕД ЧУДОВИЩА»!

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Ширина дороги 15 метров, а на поворотах — 36 километров».

Газета «Ленинская правда». г. Ханты-Мансийск.

«Тов. Рыжов С. В. торговую технику знает, замечаний по работе не имеет; нареканий со стороны обслуживаемых им автоматов, установленных на предприятиях, не поступает».

(Из характеристики).
Копию снял В. Сосунов, г. Москва.

«Граждане отдыхающие! Не высовывайте выступающие части тела за габариты кабины».

(Объявление у «Чертова колеса»).
Прислал В. Гондуренко, г. Волгоград.

«Фитонциды (летучие вещества) дуба убивают многие болезнетворные бактерии, в том числе и очень стойкие — дизентерийные. Достигают они 25—40-метровой высоты, до полутора метров в диаметре, доживают до 500—600 лет и более».

Газета «Алмалыкский рабочий».

«Товарищи туристы! На пляж прибыл цветной фотограф».

«Мужчина в черных волосах! Не заплывайте далеко».

(Из объявлений).
Прислала Т. Теглева, г. Новый Афон.

«Собранный, смазанный и отрегулированный автомобиль направляется в зону окончательного контроля.

На станции он сможет подождать в уютном зале ожидания, выпить кофе в баре».

Газета «Молодежь Эстонии».

МАСКАРАД

Рисунки М. БИТНОГО и А. СЕМЕНОВА

— Слушайте, я только что узнал: это же продавщица из нашего магазина!

Слон и Моська

— Надо проверить: если он пришел не из буфета, значит — настоящий...

Дамы не пьют пива

Западногерманский институт общественного мнения «ЭМНИД» решил выяснить у мужчин, слывущих людьми сознательными, кого бы они предпочли видеть своим начальником — мужчину или женщину. Лишь 7% высказались за женщин. «Все время сталкиваешься с предрассудком, что женщина может работать только секретаршей,— резюмирует результат опроса в журнале «Виртшафтсвохе» социолог Хельга Просс. — Поскольку предрассудки сильны, женщины не могут продвинуться наверх. А поскольку они не могут продвинуться наверх, эти предрассудки сохраняются».

Женщинам отказывают в продвижении по службе зачастую по самым абсурдным причинам. Так, акционер одной пивоваренной компании выступил на общем собрании с незабываемым заявлением: «Дамы не пьют пива и поэтому не годятся для работы в наблюдательном совете пивоваренного завода».

А что если точка зрения пивного акционера распространится и на другие сферы производства?

Мыслимое ли, например, дело предоставить женщине должность директора на парфюмерной фабрике? Администрация и оглянуться не успеет, как слабый пол под предводительством начальницы вынюхает все сорта духов, перепробует все сорта помады — от интимно-палевого до цвета хорошо сваренной свеклы, перелакирует каждый ноготок десятью цветами эмали...

А назначить женщину начальницей цеха на кондитерскую фабрику? Боже ты мой! Да ведь эта сластена не оставит на конвейере ни одного сливочного полена, сметет подчистую трубочки с заварным кремом и, не жалея фигуры, расправится с песочными полумесяцами, слизнув с них предварительно вишневое желе!

А разрешить женщине заведовать ателье мод? Да она немедленно раскроит все ткани и сошьет себе чертову уйму платьев! А чтобы не сесть в тюрьму за растрату, пустит по ветру квартальную зарплату мужа, дяди, племянника и свекра...

Судя по тому, как неохотно берут в ФРГ женщин на руководящую работу, вышеперечисленные опасения действительно шевелятся под черепными коробками западногерманских предпринимателей.

Елена КАРИНА.

Тетрадь, найденная в Сантьяго

М. СЕМЕНОВ

Это была обыкновенная толстая тетрадь, в которых студенты конспектируют лекции. Ее нашли на ступенях бокового входа в университет. Рядом валялись пустые гильзы от крупнокалиберного пистолета и рассыпанные сигареты с примесью марихуаны. Можно было предположить, что хозяин тетради уходил от преследования, отстреливаясь на ходу и теряя свои вещи.

Кто он был: студент, преподаватель или университетский служитель? Какова была его политическая физиономия? И что с ним, наконец, случилось, жив ли он?

Записи, сделанные в тетради, проливают свет на некоторые из этих вопросов.

* * *

Сегодня пятница, надо хорошенько запомнить этот день. Произошла большая перемена в моей жизни. Со стадиона[1], где пришлось потрудиться, не жалея сил, меня перебросили на новую работу в университет. Может быть, тут будет полегче?

* * *

Черта с два здесь отдохнешь — дел по горло. И все самые срочные задания:

— Укоротить языки!

— Вбить разум в головы!

— Встряхнуть интеллектуалов!

— Вправить им мозги!

И я старательно укорачиваю, вбиваю, встряхиваю и делаю все другое, с чем сталкивается человек, переброшенный на преподавательскую работу.

Если я скажу, что дисциплина у нас в университете казарменная, то этим уж слишком сильно возвеличу казарму и умалю заслуги нашего командного, то бишь преподавательского, состава. А состав подобрался что надо — отчаянные костоломы.

И вся система высшего образования в Чили приобрела теперь стройность и строгий порядок: деканы — полковники, ректор — генерал, министр просвещения — адмирал. Красота! И никаких там университетских советов, выборных старост и прочей дребедени.

* * *

Очень много времени отнимает чисто научная работа. На днях собрались за кувшинчиком выдержанного рома, стали думать, что делать с так называемыми гуманитарными дисциплинами. Ведь не случайно подрывные идейки распространяются главным образом с факультетов экономических и политических наук, журналистики, педагогики, социологии. Мы решили эти факультеты предельно зажать, а социологию вообще упразднить. А на что она нам нужна? Жили без нее наши деды и прадеды, и мы проживем!

Правда, преподаватели из сугубо штатских и студенты недовольны. Эти даже переименовали гуманитарные науки в хунтанитарные, а зачетки между собой называют пиночетки. Ну, ничего, болтуны еще жестоко поплатятся! Приказ «укоротить языки» пока еще никто не отменял.

* * *

Потешная история случилась сегодня. Приходят к министру члены экзаменационной комиссии и докладывают: так, мол, и так, предстоят выпускные экзамены.

— Проводите! — командует адмирал.

— Да вот в этой штуке загвоздка,— говорят ему и показывают программу экзаменов по истории.

Глянул адмирал, то бишь министр, в программу и даже побагровел весь. Там что ни дата, то либо парламентские выборы, либо принятие конституции, а то и установление отношений с Советским Союзом.

— Запрещаю! — взорвался адмирал.

— А это нельзя запретить, ваше превосходительство,— осторожно напоминают ему.— Это уже история.

— Ах вы, штафирки несчастные! — бушует адмирал.— Забыли, как новобранцев учат лозу рубить? Сабли наголо!

Поняли экзаменаторы указание министра и вырубили из программы 82 года чилийской истории, с 1891 по 11 сентября 1973 года. Вымахали подчистую! Вот так-то!

* * *

Университет — это большое хозяйство, и за всем нужен глаз да глаз.

На днях заглядываю в библиотеку, вижу, библиотекарша сидит за столом и что-то пишет. Спрашиваю:

— Чем вы занимаетесь?

— Составляю списки.

Стоп! Неужели, думаю, она занята списками на закупку новых книг? Это же строжайше запрещено! Заглядываю в бумагу, читаю: «Списки книг, предназначенных для сожжения». Порядок!

* * *

Утешительные вести приходят в университет извне. Госпожа Пиночет, супруга нашего вождя, основала школу для девушек со средним образованием, которая будет готовить «хороших помощниц семьи». По окончании школы они смогут наниматься в богатые семьи на почасовую или постоянную работу. Самое место для простонародья — чтоб не лезли в политику.

Вообще поговаривают о создании пиночетюгенда вроде знаменитого в прошлом гитлерюгенда. Скорее бы! Тогда университет будет получать отличное зрелое пополнение, а не красных смутьянов, как сейчас.

* * *

Моя официальная должность — консультант при ректорате. И мое начальство считает эту должность надежной крышей. Я думаю иначе. И вряд ли кто из студентов или преподавателей не догадывается, что на самом деле я фискал, глаза и уши службы безопасности. Об этом ясно говорят полные ненависти взгляды, которыми меня провожают...

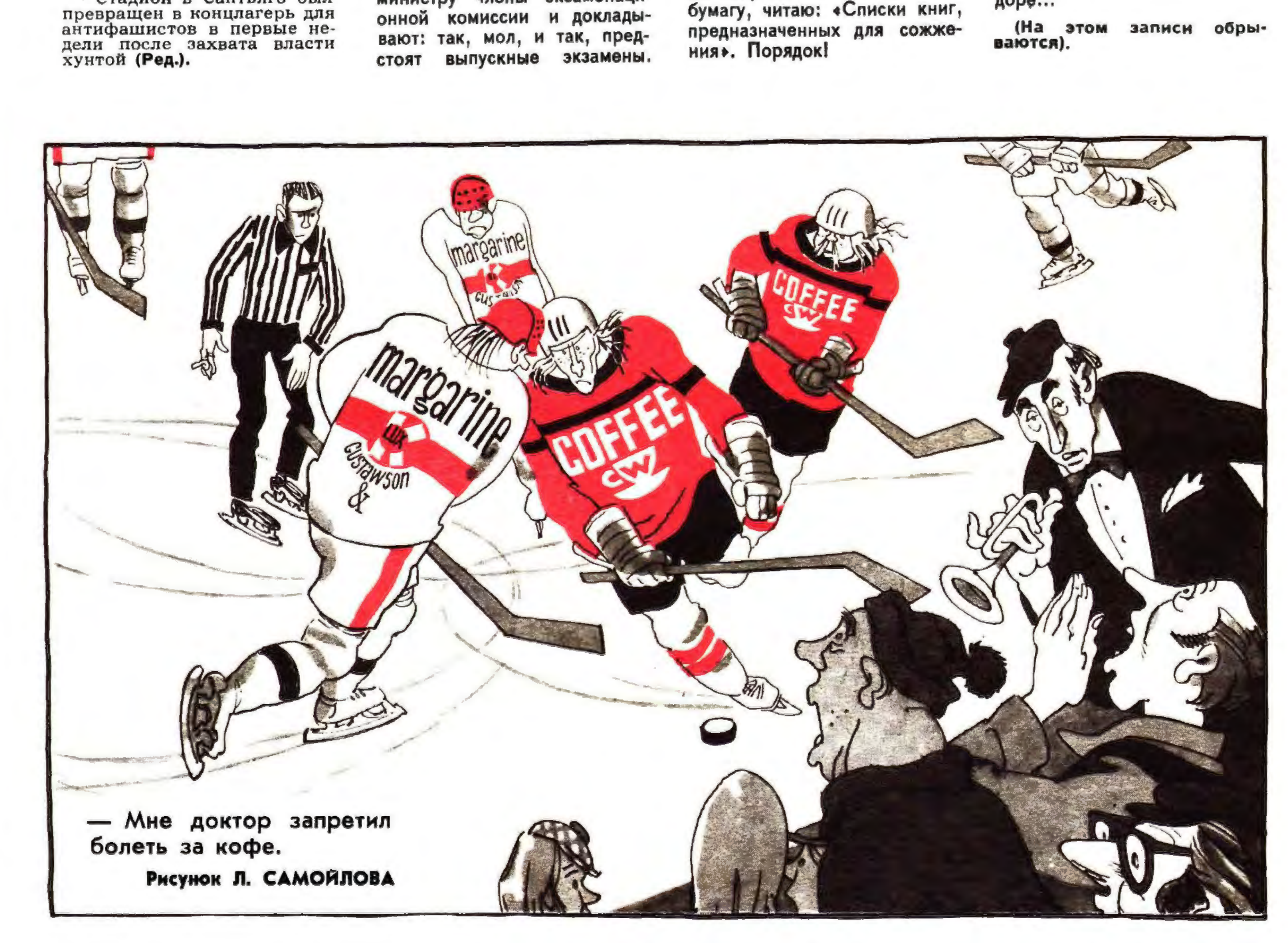
* * *

Сегодня опять пятница. Тяжелый, напряженный день. Исключена из университета группа студентов. Официальная мотивировка — академическая неуспеваемость, на самом деле эти студенты если не явно, то втайне сочувствуют красным. Да они ли одни?

Я делаю эти записи после занятий, когда аудитории уже опустели. В эти часы мне становится особенно жутко. Чудится, что меня кто-то подстерегает в пустом коридоре...

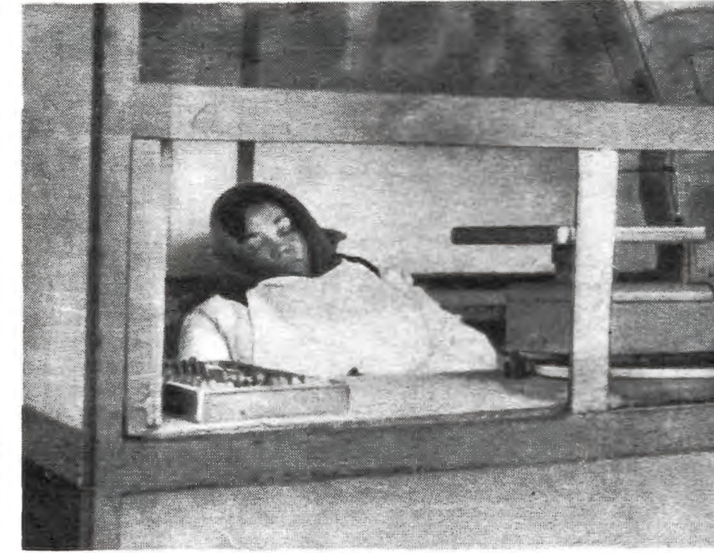
(На этом записи обрываются).

[1] Стадион в Сантьяго был превращен в концлагерь для антифашистов в первые недели после захвата власти хунтой (Ред.).

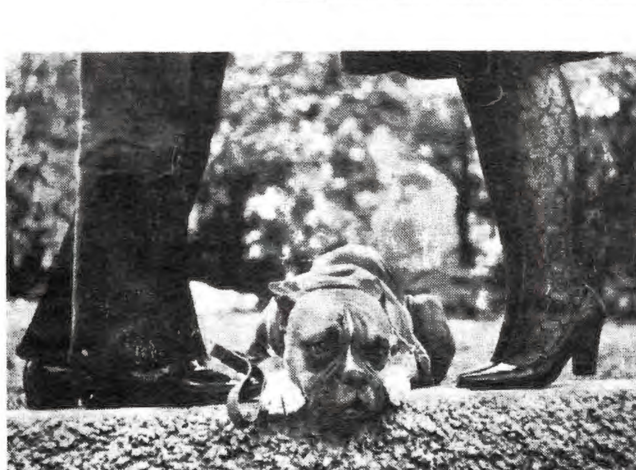


— Мне доктор запретил болеть за кофе.

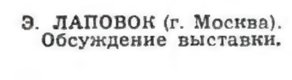
Рисунок Л. САМОЙЛОВА



Э. ЛАПОВОК (г. Москва). Мертвый сезон.

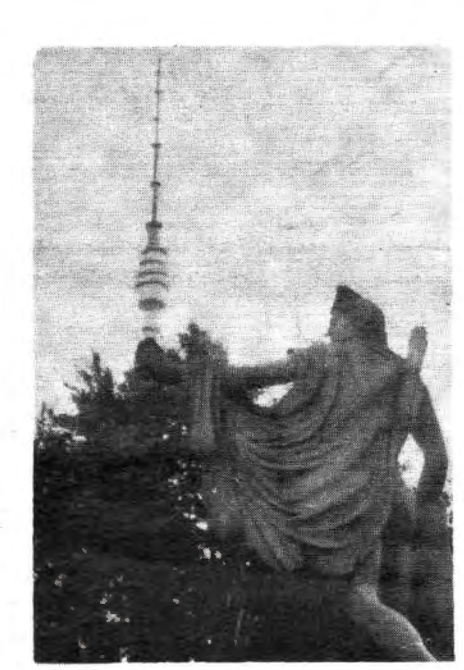


С. КИЛАДЗЕ (г. Тбилиси). Третий лишний.



Э. ЛАПОВОК (г. Москва). Обсуждение выставки.

В. ВУДЫКОВ (г. Жданов). — У вокзала останавливается?



Джон Дж. ДЖОНСОН-младший (г. Сиракузы, США). Память об Останкине.

А. МУЛЛИН (г. Чапаевск). Прыжок в неизвестное.

КРОКОДИЛ-76

Что такое «Сатиробус»?

Недавно на мое имя пришло письмо:

«Дорогой наш Крокодил!

Пишут тебе ученики 10-х классов школы № 110 г. Москвы. Мы тебя очень любим. Иногда на переменах читаем вслух твои рассказы и стихи, а особенно часто — «Нарочно не придумаешь» и «Улыбки разных широт».

Но хочется тебя немножечко упрекнуть, дорогой Крокодил. Почему ты так мало внимания уделяешь нам, то есть молодежи! Ведь есть масса проблем, которые нас, молодых, волнуют и которые достойны крокодильского пера! А что, если тебе завести специальный молодежный раздел! И чтобы делался он в основном силами молодых юмористов и сатириков! Это было бы просто здорово! Подумай.

Всего тебе наилучшего.

(Всего 37 подписей)».

— Молодцы, ребята! — сказал я и потер лапы.

А потом сел за телефон и принялся обзванивать всех своих молодых авторов. И приглашать их на первое заседание редколлегии задуманного мною

МОЛОДЕЖНОГО САТИРИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА.

И название ему придумал — **«САТИРОБУС».**

Почему? Что это значит? В каком словаре русского языка найти объяснение?

Ни в каком. Это слово будет расшифровано в «КРОКОДИЛЕ» № 1 за 1976 год. То есть в следующем номере...

Эрве НЕГР (Франция)

Улыбки разных широт

Школьный детектив

— Папа! — крикнул, вбегая, Жан, круглолицый, симпатичный мальчик, щеки которого напоминали два крупных красных яблока.— У нас завтра родительское собрание!

— Какое собрание? — спросил отец, но сын уже мчался по лестнице во двор, где его ждал футбольный матч с друзьями, такими же лентяями, как и он сам.

— Пойди, пойди, — сказала мать,— и поговори с учителем серьезно. Мне кажется, он чересчур придирается к нашему ребенку.

На следующий день в шесть вечера отец и Жан входили в школу.

— Здравствуйте, мсье Рене,— любезно произнес учитель, сухопарый мужчина средних лет.— Я пригласил вас, чтобы поговорить о вашем сыне. Жан плохо учится. Но это не все. К сожалению, он еще и нечестен. Во время последней контрольной работы по истории он списывал у своего соседа.

— Не может быть,— растерянно произнес мсье Рене.

— Но это факт. Впрочем, убедитесь сами. Вот две контрольные работы. Вам нетрудно будет обнаружить одинаковый ответ на первый вопрос: «Кто вступил на престол после Наполеона?» «Людовик XVIII».

— Но, господин учитель, это еще не доказательство, что списал мой сын. Ответ правильный, поэтому совершенно естественно, что оба мальчика одинаково ответили на вопрос.

И отец не без гордости посмотрел на Жана, который стоял рядом, опустив голову.

— Логично, логично, однако посмотрим на второй вопрос: «Куда был сослан Наполеон?» В обеих контрольных работах был один и тот же ответ: «На остров Ив».

— М-да...— протянул отец.— Неточно, конечно... Но не могли бы вы, господин учитель, предположить, что совершенно случайно оба мальчика одинаково ошиблись? Ведь и такое может произойти, не правда ли?

— Возможно, вполне возможно, хотелось бы верить. Но был еще и третий вопрос: «Когда умер Наполеон?» Сосед вашего сына ответил: «Не знаю». А теперь прочитайте, что написал ваш сын: «А я тем более».

Перевел А. ЕФИМОВ.

— Почему я так полнею, доктор? — спрашивает пациент.

— У вас в теле излишек жидкости, мсье.

— Да, но я, казалось бы, так мало пью... Хорошо, теперь я не буду класть лед в виски.

●

— Что вы ели сегодня на обед?

— Картофельный суп и печенку с горошком.

— И много вы съели горошка?

— 174 горошинки.

— Неужели вы можете определить их число с такой точностью?

— Как вы думаете, доктор, чем я занимаюсь, когда жена разговаривает со мной за обедом?

●

Адвокату очень нравился его подзащитный, который производил впечатление неплохого парня.

— Когда выйдете из тюрьмы,— сказал адвокат,— я бы с удовольствием с вами встретился и постарался вам помочь...

— Это очень любезно с вашей стороны,— ответил парень,— но ведь взламывание сейфов — тончайшая вещь. Тут надо иметь талант от природы!

●

Хирург звонит своему приятелю-терапевту:

— Больному, которого ты ко мне направил, нужна срочная операция. Как ты думаешь, могу я получить с него пять тысяч франков?

— Думаю, что сейчас нет, но он недавно основал крупное предприятие.

— Ладно, тогда я полгодика подожду.

●

Журналист встречает своего знакомого в Ницце:

— Старина, мне неприятно говорить это, но пока ты находишься здесь, твоя жена в Париже ведет себя очень плохо. Я встретил ее недавно с одним бородачом...

— В очках?

— Да.

— Рыжий?

— Да.

— А, знаю, это Генри. Он абсолютно неразборчив в знакомствах.

●

— Ты знаешь, эти Крюгеры очень странные люди. Недавно они купили дорогой ковер и теперь заставляют всех своих гостей снимать обувь.

— Что же здесь странного?

— Ковер-то висит у них на стене.

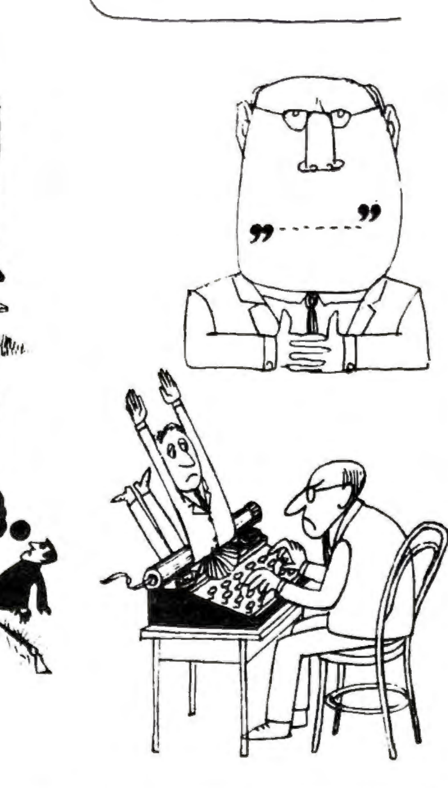
●

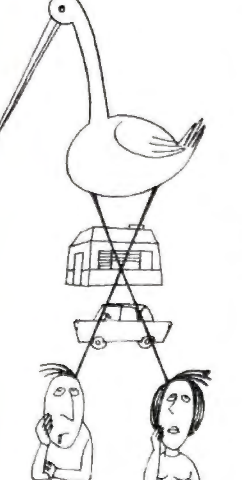
Муж вбегает в квартиру, на ходу кидает пальто и бросается к телевизору, успев крикнуть на кухню жене:

— Милочка, что у нас на ужин и как там ребенок?

— Голубцы и корь.

Рисунки Тибора КАЙЯНА (Венгрия)





Мирослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

ЧУЛАН КАК КАРТИНКА

— Вы, пан Грдло, мастер на все руки,— улыбнулась пани Виточилова,— о вас все прекрасно отзываются. Нам нужно покрасить чуланчик за прихожей, это всего два квадратных метра, а в мастерской такого мелкого заказа не приняли. Я думаю, хватит одной банки краски, но это вам виднее.

—Пани Виточилова, — с чувством сказал Душан Грдло,— для меня красить — это не ремесло, а искусство. Самовыражение моей личности. Если я приму заказ, то сдам вам шедевр.

— Мы этому будем только рады, — согласилась дама. — Если вам нетрудно, сделайте в две краски.

— Я требую абсолютной свободы творчества,— гордо сказал Грдло, — ибо могу работать только тогда, когда мною овладевает вдохновение. Так, как я сделал это у Павласов, которым красил прихожую.

— Об этом я кое-что слышала, — молвила пани Виточилова,— говорили, будто вы сделали им очень хорошо.

— Едва я туда пришел, — сказал Грдло, — я понял, что здесь смогу отлично самовыразиться. Я тут же сказал пану Павласу, что такое прекрасное помещение нельзя красить как вокзал либо приемную зубного врача. Здесь требуется глубокое чувство, размах и фантазия. Какая там прихожая! Это будет музыкальный салон, в котором с упоением играл бы сам Вольфганг Амадей Моцарт.

— Смотрите-ка, — воскликнула пани Виточилова, — кто бы сказал: Павласы и музыкальный салон!

— Они бы и сами этого не сказали,— торжествовал Грдло,— у пана Павласа совершенно отсутствует музыкальный слух. Но я убедил их и сдал работу во всех отношениях блестящую. Вся семья от умиления расплакалась, а пани Павласова призналась, что чувствует себя, как в храме.

Пани Виточилова одобрительно кивала головой.

— Но потом встретились осложнения,— сказал Грдло,— в музыкальном салоне пол, как вы понимаете, дощатым быть не может. Павласы купили за двадцать тысяч крон персидский ковер. Потом они приобрели рояль и арфу. Все это требовало мебели в стиле ампир. Они продали дачу. Но их музыкальный салон приобретал известность. Требовалась еще живая музыка. Когда пан Павлас категорически отказался учиться на арфиста, пани Павласова начала приглашать на гастроли мастеров искусств. Понятно, с угощением. К счастью, у Павласов был еще автомобиль, и они его продали. Музыкальный салон Павласов стал известен во всем культурном мире. И все это произошло только благодаря мне. Если бы я не вдохнул новую жизнь в их безобразную прихожую, никогда бы Павласы не поднялись так высоко. Ездили бы на свою дачу в машине, как обычные рядовые мещане. Но мы уклонились от дела, когда же мы займемся вашим чуланом?

Пани Виточилова с минуту не отвечала Только после того, как ей удалось глотнуть свежего воздуха, она сказала, запинаясь:

— Знаете, пан Грдло, у нас на книжке всего сорок пять тысяч крон. Пожалуй, пока отложим покраску чулана.

Перевела Е. БЕРЖ.

Слова, слова...

Хорошие прогнозы стоят плохой погоды.

Д. Александер, английский юморист.

Только протянув ноги, он наконец нашел свое место в жизни.

Из траурной речи, произнесенной в Роттердаме.

Думай о женщине лучше, чем ты есть на самом деле.

Девушки прекрасны двойной молодостью: своей и отсутствием нашей.

А. Давид, французский писатель.

Ревнивые мужья напоминают вывески знаменитых ресторанов: они указывают место, где есть хорошее вино.

Генриэтта Микаэль, бельгийская журналистка.

А. ВНУКОВ

В. ПОЛУЯН

М. РАСКАТОВ

Б. ЮДИН

Е. ГУРОВ

А. ЕЛИСЕЕВ

В. КАНАЕВ

Г. и В. КАРАВАЕВЫ

А. МОРАЛЕВИЧ

Х. ПЕЛИТЕВ

С. РОДИОНОВ

К. СЕЛИНЕВИЧ

С. СПАССКИЙ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Н. ЭНТЕЛИС

Мои лауреаты

Единодушным, как всегда, решением моей редакционной коллегии ежегодные премии за лучшие произведения, опубликованные в истекшем, 1975 году на страницах «Крокодила», присуждены следующим авторам:

ВНУКОВУ Андрею, ПОЛУЯНУ Вадиму, РАСКАТОВУ Михаилу, ЮДИНУ Борису за венок сонетов, опубликованный в № 36.

ГУРОВУ Евгению за обложки в №№ 26 и 34.

ЕЛИСЕЕВУ Анатолию за обложку в № 28 и рисунок в № 30.

КАНАЕВУ Владимиру за фельетоны «Репортаж из-под земли» (№ 22) и «Нужен ли рыбке зонтик?..» (№ 26).

КАРАВАЕВЫМ Галине и Валентину за темы и рисунки в №№ 24 и 28.

МОРАЛЕВИЧУ Александру за фельетоны «Варианты» (№ 5), «Они денег хотят...» (№ 8) и «Труба» (№ 32).

ПЕЛИТЕВУ Христо (Болгария) за рассказ «Алло, вы нас слышите?..» (№ 20).

РОДИОНОВУ Станиславу за рассказ «Крокодилыч» (№ 10).

СЕЛИНЕВИЧУ Константину за ряд фельетонов в защиту природы.

СПАССКОМУ Святославу за рассказ «Из жизни Петрова» (№ 8) и за фельетон «Стою на полустаночке» (№ 27).

ЧЕРЕПАНОВУ Юрию за рисунки в №№ 20 и 30.

ЭНТЕЛИСУ Николаю за переводы стихов южнокорейского поэта Ким Чжи Ха (№№ 2 и 27).

ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ЛАУРЕАТОВ!

КРОКОДИЛ

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 36 (2154)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Е. Гаврилин, В. Жаринов, В. Каневский, К. Невлер, А. Семенов, И. Сычев, М. Ушац, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор

Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/XI 1975 г. А 00944. Подписано к печати 10/XII 1975 г. Формат бумаги 70×108⅛. Объем 2.80 усл. печ. л. 4.54 уч.-изд. л. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 560 900). Изд. № 2756. Заказ № 1455.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва. А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок Бор. ЕФИМОВА